

18+

Александр Горностаев

КАК Я БЫЛ
ПИСАТЕЛЕМ

Александр Горностаев

Как я был писателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70072318

ISBN 9785006097827

Аннотация

Писатель, рассказывающий о своём увлечении, о восприятии самого себя как творца текстов не только без пафоса, но и как-то уж совсем с издевкой, – явление, думается, не частое в нашей среде, в которой присутствует, в скрытой или явной форме, мания величия. А что за явление такое, мнящее себя очень значительным? С некоторыми об этом лучше не спорить, начнут ещё брызгать слюной и размахивать кулаками, если затронешь их тщеславную сущность. Иногда нужно посмотреть на всё это писательство с иронией...

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	5
МОТИВАТОРЫ И МОТИВИРУЕМЫЕ	7
ЦЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА	9
ТВОРЧЕСКИЕ ИТОГИ ОДНОГО ГОДА	11
ЗАЯВЛЕНИЕ В СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Как я был писателем

Александр Горностаев

© Александр Горностаев, 2023

ISBN 978-5-0060-9782-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВСТУПЛЕНИЕ

Некоторые авторы, написав пару удачных строк, готовы поставить себе памятник и ходить к нему собственной персоной с цветами и воздаяниями почестей, как к непревзойдённому гению. Тут впору и свихнуться на почве тщеславия. И если не взглянуть на себя с иронией и сарказмом, не оберёшься проблем с психикой. Может быть, это защитная реакция – поиронизировать над собой и окружающим литпространством?

Так или иначе, здесь вот, други мои, выходишь на некие обобщения. И размышляешь сквозь смех о «воистину» космических вещах и явлениях.

Но что это за деятельность такая – писательство?

И если посмотреть здраво, настолько ли грандиозно его значение для человечества, для развития цивилизации, чтобы можно было о нём говорить, как о чём-то важнейшем во всей совокупности планов и дел. Вроде бы, уже в наше время не воспринимается слово писателя как непререкаемая истина, вложенная в уста Всевышним.

Тем более в таком массовом порядке не вкладывает Бог в головы всем помешанным на сочинительстве свои наставления и пророческие указания.

Писатель, рассказывающий о своём увлечении, о мотивации к творчеству, о восприятии самого себя как творца тек-

стов не только без пафоса, но и как-то уж совсем с издевкой, – явление, думается, не частое в нашей среде, в которой присутствует в основном, в скрытой или явной форме, мания величия. А что это за явление такое, мнящее себя очень значительным? С некоторыми об этом лучше не спорить, начнут ещё брызгать слюной и размахивать кулаками, если затронешь их тщеславную сущность. Но поймите, иногда нужно посмотреть на всё это писательство с иронией и сарказмом, чтобы остаться всё-таки здравомыслящим человеком...

МОТИВАТОРЫ И МОТИВИРУЕМЫЕ

«Писателей» всяческие курсы, разные учебные платформы мотивируют и мотивируют. Настраивают, стараются возбудить в них зуд сочинительства, чтобы они посотворяли побольше всего – не важно что... И не прекращается словесное недержание, заполняющее, как гниющее месиво, пространство и время. К мотиваторам, за объяснением о необходимости этого действия здесь обращаться бесполезно. Их цель ясна. Но может, всё-таки, задуматься всем этим, берущимся пописать? И, в конце концов, забросить филькины труды, избавиться, как от греха, от бессмысленности сочинительства, и наконец-то понять ненужность своих потуг? Ну, в самом деле: что за причуда – писательство? Есть ли бессмысленней и неблагодарней труд? Не оплачиваемый, как правило, не поощряемый материально, да и морально (если не считать восхищённых отзывов нескольких недалёких или глумящихся над вами «специалистов», да похлопываний по плечу завалированно вымогающих у авторов деньги). Не чувствуете разве: без ваших творений спокойно обходится мир? Зачем же вымучивать, если глобально нужного, необходимого сказать нечего? Что дурачить народ и предлагать ему ерунду? Или вы этого не понимаете? Или жажда лёгкой славы

не даёт покоя? Но поверьте, если и есть здесь достойная слава, то она невообразимо трудная, требует тяжелейших жертв, и не всегда оправданных. За что? Зачем? Нужно ли это вам: обречь жизнь на поистине каторжный труд, судьбу на лишения, а душу свою отправлять в ад переживаний и страданий? А только так и делается настоящая литература, и всё остальное – мастурбация перед мотиваторами.

Братья по несчастью! Попавшие в капканы жажды творить тексты, остановитесь, задумайтесь, не слушайте мотиваторов! Они не желают вам добра. Оглянитесь, как прекрасен мир, сколько можно в нём сделать, совершить приятного и полезного, без всякого желания отразить его красоты в каком-то своём письме.

Может, вы скажите: что же это я здесь распинаюсь, не договариваю, не допроясняю, сам-то строчу и строчу, как пасквиль на себя, всё новые и новые тексты? Но у меня другое. Я-то думаю, что кроме меня это написать никто не сможет.

ЦЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА

Писать тексты, чтобы «не было мучительно больно...», или «осознавая значимость»..., я не стремлюсь. Хочу написать, потому что – хочу. И эту правоту моего внутреннего желания и убеждения не разрушат всяческие сомнения, сидящие глубоко в душе, в собственной несостоятельности, или какие-либо критические стрелы, направленные в сторону моих творений многочисленными литературными снобами, в прериях писательства «питающиеся», как хищники, неокрепшими, словно подрастающий молодняк лесного стада, творческими замыслами или ошибками интерпретаций авторов.

Мне нужно писать это сейчас, пока не пропал запал, не прошло желание творить и создавать. В прошлом я и так потерял годы, когда не писал, пока находился в творческой командировке в жизнь, в том путешествии с бесконечным и бессмысленным стремлением обрести материальное благополучие.

Если я не напишу этого, не создам что-то ещё – ничего не случится. Как не случилось ничего в мире после сожжения второго тома, не написания продолжения «романа в стихах» и многого чего другого. Жизнь, слава Богу, продолжится. Мир равнодушен к деяниям людей... И всё-таки, некоторым представителям человечества жалко, что кто-то не за-

вершил начатого, не реализовал задуманного...

Так пусть никто не пожалеет, что я своего замышленного, важного на уровне моего разума, из-за любых причин, не написал!

ТВОРЧЕСКИЕ ИТОГИ ОДНОГО ГОДА

Я думаю, год для меня выдался удачным. Грешно будить лихо, не было бы хуже. По-крайней мере, не часто на протяжении этого отрезка жизни думалось о месте, где можно повеситься, чувственно и глубоко воспринимая достижения предыдущих лет, текущих дней. Как человек мыслящий образами в этот период я довольно редко представлял свой мешок с костями, болтающимся где-нибудь в красивом природном месте, на берегу реки, в берёзовой роще или в уютном торговом центре на втором этаже под музыку и суету. Как вам такая навязчивая идея – видения, вспыхивающие в мозге: когда схлынет поток покупателей, прицепить веревку к перилам второго яруса... Не находите это зрелище красивым? Я не нахожу тоже. Но такие галлюцинации возникали. А всё, наверное, из-за перебора всяческих вредных организму веществ, приходящих из повседневного питания.

Однако уж в этом году, словно бы избавившись от токсинов, отравляющих жизнь, я мог бы сказать банально: не дождётесь... И такая убеждённость позволяет мне думать о себе, как о непревзойдённом оптимисте и жизнелюбе. Скажу честно: на самом деле плодотворным был год. В творческом плане (не буду говорить о каких-то жизненных, на лич-

ном поприще, достижениях: они обрели некое бесповоротное и неизменное стремление к краху). Но мои литературные успехи, если и не получили чёткую экстраполяцию наверх, то уж точно находятся в плюсовых координатах графика благополучия. Судите сами. Я получал дипломы и грамоты, меня публиковали, печатали, я попадал в короткие и длинные списки, которые, правда, никуда, ни на какую литературную дорогу – к славе ли, к достатку ли – не выводили.

Я издавал книги и составлял новые, по-большому счёту не анализируя даже: для чего это я всё делаю? Словно заведённый кем-то механизм, получающий импульсы-указания свыше. Мол, разбираться тебе в этом нечего: потом поймёшь.

Однако трудно идти торной дорогой, уже даже не ожидая чего-либо положительного в конце пути, ни материального, ни духовного удовлетворения не испытывая от преодоления очередного тяжёлого участка.

Следующий год мой – по китайскому календарю. И этот мой год, как рассвет заката, должен бы быть неописуемо красивым. Поэтому верится (хотя слабо), что я не заброшу, как бессмысленное занятие, творческие поиски в литературе, попытки продвигать написанное и ожидать хоть какой-то платной оценки своей деятельности.

Кризис, как распад всех жизненных установок, в сознании, думаю, если и произойдёт, то не в наступившем году...

ЗАЯВЛЕНИЕ В СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

Рассказ

Пётр Афанасьев пришёл после дежурства в не очень хорошем расположении духа. Снял непромокаемую обувь, в которой пришлось находиться почти сутки. Носки были влажными от конденсата, от пота, скопившегося в замкнутом пространстве так называемых дождевиков – тёплой обуви. «Так можно и ревматизм получить», – подумал Пётр Ильич, трогая пальцы в носках. И пока он раздевался, снимал защитного цвета робу, мысль, словно сама по себе, стала работать над словом ревматизм, сразу же в уме началось подбирание к слову рифмы: «остракизм, авангардизм». Нет, конечно, эти слова не могли подойти творчеству Афанасьева в качестве рифм, слишком они были одинаковы по внутреннему составу слова, поэтому банальны и, по мнению нашего героя, не оставляли бы и следа в сознании читателя. Здесь подошли бы какие-нибудь похожие по звучанию глаголы, скажем, «обратись, распорядись»; или существительное иного строения: какой-нибудь «акростих»; или вообще применим ассонанс – слова, соприкасающиеся только звучанием гласных. Может быть, для привыкших к классическим нормам поэтики эти рассуждения нашего героя покажутся не правильными.

ми, но никто и не утверждает, что Пётр Ильич прав в своих взглядах на писательское дело... Это его, что называется, личный бзик.

Это его внутренние установки на творчество, которые со временем перестают быть, как говорится, в сознании человека и на интуитивном уровне управляют писательским делом. Он погружался в слова и образы глубоко, как математик – в формулы и цифры, и поэтому размышления у него случались часто, исподволь.

Работа, хоть не была у него значительной и оставляла много свободного времени, которое Пётр Ильич хотел тратить на любимое дело своей жизни, всё же не позволяла совсем уж углубиться в недра тем, в череду образов, всегда будоражащих мысли заикленных на писаниях людей.

Афанасьев был тем человеком, который ради писательского труда пожертвовал карьерой, материальной обеспеченностью, да и в какой-то степени личным счастьем. Пусть это и звучит как-то высокопарно, но есть таких довольно много личностей на физическом и духовном пространстве Руси, посвятивших себя полностью высшему указанию своего сердца – пусть даже глубоко заблуждающегося в своих велениях.

В их трагическом облике, подтверждаемом выпавшей судьбой, столько скрыто к тому же комичного, ироничного, доходящего до абсурда, что без смеха сквозь слёзы некоторые люди о них говорить просто не могут.

Как бы описал личность Петра Ильича, скажем, не умудрённый писатель? Наверное, он бы рассуждал о нём как о человеке невысокого роста, с зеленовато-карими глазами, слегка седеющего, сутулящегося при хождении. Мог бы, как плохой излагатель, ещё что-нибудь добавить из физиогномики, понимая только простые вещи творчества, такие, что надо как бы показать своего лирического героя. Но если Афанасьев сам бы рассказывал о себе – было бы немного по-другому. Он был чуток к слову много раздумывал о сущности литературного образа и, как отмечающий всякую, в первую очередь, приходящую на ум, банальщину, подошёл бы к описанию не тривиально, создал бы, прежде всего, образ души героя, показал бы внутреннее состояние его. Трудно автору этих строк воспроизвести точно стиль Петра Ильича, как описывал бы он самого себя, но в общих чертах, хуже в два раза, чем сделал бы сам наш герой, описание это выглядело бы примерно так.

В карих глазах этого человека всегда ощущался огонёк, идущий из глубины его сущности, и собеседнику, узнававшему его к себе расположение, хотелось прямо-таки очутиться в поле тепла этого света, настолько доброжелательным был иногда этот человек для своих друзей. Возраст его трудно было определить, не зная даты рождения, но выглядел он весьма живым человеком, хотя по некоторым предположениям он должен был быть уже немолодым, но и пожилым его нельзя было назвать. Он выглядел так, словно бы

молодость только что отошла от его порога, и, уходя, она ещё идёт и оглядывается, не увяжется ли за ней этот не угомонившийся субъект? И так далее, в этом духе мог бы долго продолжать герой нашего повествования. Но впрочем, я, кажется, уже где-то читал подобное описание героя, но из-за моей забывчивости, невнимательности не считаю, что нужно мне изменять текст, боясь мнений вечно заботящихся о нравственности поисковиков плагиата.

Да, умелый писатель описывает прежде всего душу или состояние духовное личности, хотя и здесь масса наблюдений для сомнения: чью это душу описывает автор? Не свою ли? Не просто ли какое-то восприятие отдельного характера, переданное через состояние своей души? Но ведь можно ещё описать образ мыслей героя, не образ мышления, а именно находящийся внутри личности его образ понимания мира, отношения к действительности... Но, впрочем, если кому-то непонятно о чём я говорю – и не надо. Речь сейчас идёт о другом...

Пришёл Пётр Ильич в этот раз не в том расположении духа, когда лёгкое дуновение творчества берёт власть над логическими умозаключениями. Ему не удалось на работе в этот раз заняться, как обычно, любимым делом – писательством. Навалились разные работы. И от этого собственную его душу придавили, потихоньку накапливавшиеся, какие-то мелкие обидки, непонимания. А может быть, в этом неким образом была замешана женщина, ведь Афанасьев не был же-

натый человеком. Известно, как женщины влияют на наше сознание, даже в далёких, казалось бы, от них событиях.

Да, давно задуманное Афанасьевым потребовало сегодня пристального размышления и выхода – в виде предполагаемого текста.

Он приходил с работы, когда все домочадцы уже расходились по своим утренним делам. И раннее время суток бывал обычно в доме один.

Афанасьев сел за компьютер, включил его, начал набирать в левом верхнем углу:

«В Союз писателей от занимающегося составлением художественных текстов, гражданина России, патриота Родины,

*любителя русской и всей мировой литературы
Петра Ильича Афанасьева*

открытое письмо»

(вместо привычного в таких случаях заявления).

Афанасьев не знал точно, как правильно писать заявление в Союз по поводу вступления в него, но понимал, что как он хочет написать, так заявления не пишутся. Но это и неважно было для него. В сущности, он писал не заявление, а излагал давно его волновавшую тему.

Он вывел чуть пониже вступления, как положено, свой адрес, паспортные данные, телефон и даже почтовый индекс. И это правдоподобие заявления впервые за всё утро скриви-

ло его губы в ухмылке. Афанасьев продолжал:

«Прошу принять меня в члены Союза, так как считаю себя достаточно подготовленным, эрудированным во многих областях знаний, умелым в смысле создания текстов автором, пишущим на родном русском языке».

Пётр Ильич не особенно рассчитывал на предполагаемые изменения своей судьбы в случае его принятия в члены. И, скорее всего, просто накопившиеся всяческие неурядицы, дополненные недопризнанием его личности как автора, сегодня настраивали творческое мышление на саркастический тон.

«Я понимаю, – писал дальше наш герой, – что согласно уставу, мне необходимо выполнить несколько условий. Одно из них: получить рекомендации от членов Союза. Казалось бы, в этом нет проблемы, если человек талантлив, он и сам это знает, имеет положительные отзывы от товарищей по перу, так пусть найдёт рекомендателей, и всё тут. Я тоже так думал, пока конкретно не обратился со своей просьбой к некоторым членам.

Оказывается, что похлопывание по плечу и устное одобрение моих текстов совсем не означает готовности дать рекомендацию.

Писатели, поэты – сложные, не предсказуемые личности. Много в них, в их поступках, зависит от случайностей, от неожиданности их душевных переживаний. Ведь даже лирического героя их произведений не всегда можно иден-

тифшицировать, отождествить с личностью автора. Вот и здесь, по-видимому, получилось так. Лирический герой возвышенных, добрых помыслов этих людей – это немного другой персонаж, чем находящаяся в сложных реалиях нашего существования особая личность. По всем канонам литературы нет здесь никакого противоречия. Ну, не совпал лирический герой моих знакомых с тем, кем являются они в жизни».

«Как-то обидно я написал об этом!» – подумал Афанасьев и, понимая, что глубокий сарказм, засевший внутри него, не совпадает с лёгкой иронией, с которой хотел он писать этот текст, начал дополнять письмо не столь горькими тирадами, стараясь ко всему не слишком перегружать образами по замыслу деловое своё письмо. Да к тому же Афанасьев не адресовал своё послание каким-то отдельным личностям. Конечно, были люди, которым он мог бы сказать что-то подобное, но как настоящий крупный писатель он выходил на обобщение и сюжет некой простой истории мог бы и должен оказаться типичным случаем в литературном анализе. Ставя такую цель перед собой, наш герой продолжил ироническим тоном:

«Как прототип героя своих произведений, я попытаюсь не упрекать их в этом, ведь в целом они достойные, уважаемые люди. Как говорил Катулл: сердце должно быть чистым у поэта, а стихи его могут быть иными. Хочется добавить: и поступки могут быть иными. Что на этом за-

острять внимание? Всё равно некоторые произведения этих авторов я не перестану считать сильными, настоящими. И собственное сердце, преодолев ропот сознания, постараюсь держать в чистоте».

«Да, с рекомендациями у меня не сложилось», – писал далее Афанасьев, понимая, что какой-то адресат у его заявления всё-таки должен быть. Хотя бы и виртуальный, некий председатель. Такой всевидящий, всё знающий, всё оценивающий Решала. Похожий на Горького – с элементами божественного начала, который исправляет все несправедливости мира. А Союз писателей можно представить как мальтийский орден – такая закрытая тайная организация, строго контролирующая всю продукцию пишущей братии. И если члены этого ордена подписали кровью лояльность во всём, то нечлены творят, что хотят, и за ними, за их деятельностью, должен быть налажен контроль, – если уж следовать негласным законам уважающих себя тайных организаций. Можно даже развить эту мысль и представить, как вступающие в орден писателей кандидаты тайно собираются ночью в двенадцать часов в освещённом факелами жреческом капище и на черепа с перекрещенными костями клянутся быть верными ордену, выполнять устав и хранить тайну влияния словом на сознания масс. В их уставе был бы пункт о переделывании мира, и с помощью произведений они умели бы воздействовать на умы людей так, что те выполняли волю этого ордена беспрекословно. В этом случае советские инжене-

ры душ нервно ломали бы пальцы, глядя на такую могучую организацию. Можно представить, как в эту систему принятий в писатели мог подавать заявление Афанасьев. Но, слава Богу, Союз в котором хотел состоять наш герой, был самым обычным. И даже, как бы потерявшим своё высокое значение для творческой среды. Но всё ещё сохраняющий, как казалось нашему герою, свои влияния. Он даже стал, может быть, лучше, в смысле творческих свобод для писателей.

Иначе Афанасьев не думал бы о вступлении в Союз.

«Что касается напечатанных книг, изданных произведений, здесь тоже от благополучия далеко, – продолжал писать в заявлении Пётр Ильич. – Есть мои тексты, доступные для чтения, и не только в электронном виде. Но это, говоря образно, привычным для народа штампом, только видимая малая часть айсберга, а масса, глыбы творчества скрыты в глубине вод невостребованности».

Пётр Ильич, как большинство не умеющих продвигать свои произведения, мало знал механизмы достижения известности, востребованности, и поэтому смотрел на всё на это с точки зрения обыденного провинциального сочинителя, не набившего руку на так называемом профессиональном способе подачи произведений. В них, может быть, и мало души, зато с формальной точки зрения они сделаны как надо (кому надо?). А Афанасьев думал, что если произведения талантливы, они сами пробьют себе дорогу. В наше время – это просто большая глупость. Но эту свою боль, ошиб-

ку, что ли, своей не признанности он и излагал в заявлении.

«Я, – продолжал Афанасьев, – начавший писать в восьмидесятые годы прошлого столетия, помню свои переживания и сетования по поводу того, что многих авторов не печатали тогда. А ведь авторы были достойные, просто необходимые не только читателю, но многим начинающим писателям, ищущим примеры творчества. А на книжных полках лежала масса прямо-таки штампованной нового того времени литературы, мало интересовавшей кого-либо. Потом напечатали достойных и не очень, и совсем уж... Всем воздали почести, заплатили денег. И, кажется, даже денег переплатили, а сегодня их не хватает новым авторам, ведь как теперь объяснить, что сегодняшние литераторы сплошь и рядом оплачивают свои произведения сами, тем самым свой труд не во что не ставя. Но средств, как правило, у самых талантливых не хватает, иначе чем объяснить, что на полках стоят, как и раньше, горы штампованной литературы, плохо читаемой или совсем не читаемой, и не только из-за цены. Я могу утверждать это не просто голословно, но и как получивший соответствующее образование, не формально изучавший предмет и могущий разобраться в написанном. Да, многие произведения совсем другие по тематике, чем издаваемые ранее, в иную эпоху, но по бездарности, по нищете замыслов, по художественной несостоятельности не уступающие тем, прежним. Но ходят важно напыщенные тузы, напечатавшиеся

в позолоченных, посеребрённых сборниках, прикидываясь любимцами муз... Они, видится мне, создали огромные мыльные пузыри бесполезных текстов, которые лопнут при первом же дуновении вечности».

Пётр Ильич снова поймал себя на слишком образном написании. Ведь, в сущности, он пытается упражняться в деловом письме с элементами художественной прозы. Но слишком поэтичный его язык с метафорами и эпитетами нарушал канву задуманного. Он поставил знак вопроса перед только что написанным, с целью потом переработать, и продолжил:

«Но откуда у них деньги на издание самих себя? Неужели всё дело в рекламе произведений, и их книги покупают, как горячие пирожки? Такой вывод маловероятен. Скажете: спонсоры. Может быть... Но всё-таки есть в этом мистическое предположение. Сколько написали классики прошлого-настоящего постоянно востребованного! Их труд уже не оплачивается (в смысле, за создание произведений никто уже ничего не получает). Но средства от вырученного всё равно куда-то идут. Не эти ли проходимцы от литературы присвоили их себе, мистическим образом получив материальное наследие? И пользуются собственной персоне в угоду, когда настоящие наследники и продолжатели дела великих творцов не могут показать своими произведениями новых подходов, иных пониманий, не затасканных направлений, словом, всё то, что так или иначе всегда двигало литературу, позволяло ей быть среди самых необходимых дея-

ний для человечества. Мы и подобные нам – настоящие наследники богатств, созданных предыдущими поколениями писателей. И в духовном смысле это не вызывает сомнения, только подобные нам по-настоящему могут распорядиться оставленным наследием мыслей, образов, дел, а не те, эксплуатирующие чужое, как черви, вгрызшиеся в яблоко.

Мы – духовные, истинные наследники, но и материальное наследие тоже должно принадлежать нам, хотя бы исходя из того, что для создания, для демонстрации нового, нам необходимы и материальные эквиваленты. И даже не о богатстве физическом должен здесь размышлять автор...»

Пётр Ильич упарился, составляя последние фразы. Даже пот выступил у него на лбу. И он оторвался от писания, сходил в туалет, вытер выступившие капли полотенцем.

Он всё никак не мог дойти до конкретного главного высказывания своего – о том, что его должны как бы принять без всяких условий и ссылок на уставы, на правила, но он отвлекался и отвлекался на посторонние темы.

Конечно, много чего из выражаемого этим литературным персонажем, мягко сказать, вызывает недоумение. Но со своей непосредственностью провинциального автора он излагал без всякого сдерживания приходящие мысли обо всём его понимании литературы и окололитературных сфер, даже, может быть, и не подозревая, какие тайные бои ведут литераторы, приближенные к денежным потокам, и как не легко им в этой борьбе, ведущейся за существование самих себя.

Но не об этом сейчас речь. А о том, мог ли вообще находиться в здравом уме пишущий обо всём этом автор? Но, впрочем, каждый талантливый писатель имеет *свой* сдвиг в сторону ненормальности и за это его упрекать не стоит.

Пётр Ильич хотел написать ещё целый пласт идей о высшем назначении писателя, но одумался: во-первых, все эти заявления о значительности литературного труда в свете сегодняшнего опошления всего и вся выглядят карикатурно; во-вторых, вспомнил Афанасьев, что он пишет заявление, а не лауреатскую речь по поводу получения Нобелевской премии.

«Грустно, что всё из того малого, что удалось напечатать, – писал наш герой, – издано мной за свой счёт. А что делать? Ведь хочется быть прочитанным, услышанным, получающим мнения. Это ведь только гении могут творить, не получая отзывов и другой поддержки, делая всё только по велению своего сердца. А другим... всё труднее с каждым годом удерживать высокую планку гениальности. И всё чаще, как простому таланту, требуются поощрения, похлопывания по плечу, восхищения окружения.

Гению, по большому счёту, не нужны ни союзы, ни похвалы. Он самодостаточен. Он творит так, как считает нужным, незыблем в своих убеждениях. А мне, как обычному талантишке, которого всегда преследуют сомнения по поводу своего творчества, необходимо получать жирные куски поощрений. Порой так хочется шоколада положитель-

ных отзывов, сладких пирожков публикаций, включения своей личности в приятное застолье писательского союза.

Так хорошо я в минуты пессимизма понимаю бездарных: они, как гении, не сомневаются в себе и всяческие поощрения просто выбивают для своей персоны... Им бы не писать стихи и рассказы, а идти работать в сферу снабжения. Но как много среди членов таких авторов...»

Пётр Ильич вынужден был оторваться от писания и сходить на кухню, налить чай – в горле стало пересыхать. И, сделав несколько глотков, он продолжил:

«Особенно остро я ощутил свою незначительность и не значимость в одном из своих выступлений перед публикой в библиотеке. Читательница спросила меня: «А вы не член Союза?» И непричастность к союзам сразу в её глазах личность мою как писателя отодвинула куда-то на задворки второстепенности. Забавный смешной случай, но оставляющий глубокий след, похожий на гусеницы танка, проехавшего по цветущему краю судьбы. В такие минуты я понимаю навешивающих на себя регалии и медали. Даже председательство в каком-нибудь садовом обществе высоко поднимает таких людей в глазах малосведущей публики, а такова она в большинстве своём, заурядная личность оказывается на вершине собственной значительности. И для публики это – важные знаки положения в иерархии бытования. Да и самим авторам кажется, что они из себя что-то представляют, когда напыщенно разглаживают свои меда-

ли за участие в Куликовской битве. Только при чём здесь литература?

А чтобы привлечь пристальное внимание слушателей к говорящему, требуются, кажется, на самом деле переодевание в генеральско-литературные мундиры, навешивание блестящих регалий и прочей не относящейся к творчеству белиберды. И всё это, думается мне, говорит о том, что нет настоящего читателя, способного самостоятельно понять творческие поиски авторов. И значит, Читателя надо готовить, писать его, как книгу. Но не находятся такие возможности, нужна какая-то другая аура общества, чтобы увлечь людей, предложить им вникнуть в детали творчества немного глубже школьной программы. Самое страшное, что такое непонимание нередко демонстрируют люди профессионально причастные к просвещению других в сфере литературы: это библиотекари, учителя, псевдоучёные. Они, как фарисеи сегодняшнего дня, не приемлют и изгоняют новое учение, посылаемое небесами».

Афанасьев увлекался, затрагивал всё больше тем, напрочь забывая о том, что он задумывал изначально: писать что-то наподобие заявления в Союз. Да, он считал себя немного модернистом, и постоянный поиск новых форм был ощутим в его произведениях. Наблаться на чём-то одном и постоянно потом использовать это – противно было его натуре. Эксперимент был присущ его творчеству, а это далеко не всегда доходило до привыкшей к традиционному изложе-

нию публики. Отсюда и недовольство слушателем.

Темы всё приходили и приходили, и никак не мог наш герой пройти мимо них. Это, может быть, было одним из недостатков всего его писания: слишком много он нагромождал деталей и историй в своих произведениях, что порой, перелезть через весь хаос его размышлений было невозможно.

Не будет дальше автор этих строк предоставлять слово Петру Ильичу. Может быть, когда-нибудь он сам обнародует свои опусы. Но в то время, о котором сейчас говорится, Афанасьев широко размахнулся, текст ему давался всё легче и легче, как будто разгоняясь в забеге, он всё больше и больше ускорялся... Он писал и писал. И вот уж объём достигал небольшого романа или солидной повести. Такие вещи пишутся годами, а тут он за несколько часов создал из обычного заявления целый трактат. Казалось, Афанасьев только прикоснётся к клавишам компьютера, а целый абзац уже написан, мысль только шевельнётся в глубине сознания – а мощный поток рассуждений готов принять форму письма. Про некоторых таких плодовитых писателей говорят, что им слова диктует нечистый, ведь обычному человеку не по силам столько создать. Но Петру Ильичу это давалось впервые – столь свободное создание текста, и, чувствуя новое в своём творческом труде, может быть, поэтому он и не стал себя удерживать в первоначально заданной теме. Писал обо всём, что приходило в голову. А светлое его чело озаряли, как казалось ему, незаурядные мысли. Он развивал глубин-

ные темы, осмысляемые великими литераторами прошлого. Но до такой степени он проникал в суть исследуемого, что великие, будь они живы, восхищённо покачивали бы головами. Если Пётр Ильич касался нравственных проблем целого народа, то Лев Толстой со своей «Крейцеровой сонатой» стоял бы перед его текстом, как студент, просящий совета по написанию реферата. А когда Афанасьев писал об окаянных днях своего времени, Бунин с одноимёнными своими днями выглядел бы, как неудачник-журналист. И несвоевременные мысли Горького были бы настолько несвоевременны по сравнению с мыслями нашего автора, описывающего происходящие текущие события, что Алексей Пешков, как новичок в литературе, прочтя Петра Ильича, никому не решился бы показать своё произведение.

Пётр Ильич говорил о недопустимости замещения русского слова англицизмами. Утверждал, что язык, на котором разговаривают его соплеменники, хранит тайные смыслы и неизвестные сведения о сущности мироздания. Он вскользь говорил об истории своего народа и о потерянных знаниях старинного письма, в котором были зашифрованы истинные понимания о мире. Словом, он так далеко ушёл от первоначального своего замысла, что вернуться в исходное своё состояние неудовлетворённости нынешней ролью безвестного писателя – он уже не мог. Теперь он чувствовал себя таким наполеоном от словесности, правда, не выигравшим ни одного сражения...

Время уже стало приближаться к вечеру. И Пётр Ильич знал, что скоро должны прийти его домочадцы, и творческое своё действие ему придётся прекратить. Закончил заранее, сохранил в памяти компьютера записанное, взял из холодильника бутерброды, перекусил. Решил отдохнуть, просто выспаться после трудовой ночи и не менее плодотворного дня. Лёг в постель, долго ворочался, неоставляемый проходящими в голову мыслями и образами. Спал он каким-то беспокойным прерывистым образом. Сны ему снились не то что про потоп или про пожар, но благополучия в них тоже было мало. Впрочем, какой-нибудь талантливый читатель сам может дополнить мой текст этими своими кусками для произведения – со снами Петра Ильича. Оставляю место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.